

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ИСЛАМ

В начале статьи принято прежде всего постулировать ее большую значимость и актуальность. Такое начало является не только данью академической или журналистской традиции, но также и своего рода "рекламой", призванной завлечь читателя. Я же позволю себе обойтись без интригующего начала и сказать честно: тема отношения русского национализма к исламу не имеет исключительной научной значимости и крайней политической остроты. Так стоит ли вообще писать об этом?

Стоит. Ибо какие бы политические коллизии ни случались, какие бы силы ни всплывали на поверхности общественной жизни, сама она, эта жизнь, проходит в устоявшейся конфессиональной, культурной среде, накладывающей на нее очень заметный отпечаток.⁽¹⁾

В Российской Федерации при численном превосходстве православных проживает значительное и, в общем-то, влиятельное мусульманское меньшинство. Официальная статистика конфессиональной принадлежности россиян (по вполне понятным причинам) отсутствует. Так что количество мусульман в России не поддается строгому учету.

Поясним на примерах.

Министр иностранных дел РФ Андрей Козырев в 1993 г. оперировал цифрой 20 млн. мусульман, глава Московского муфтията имам Московской соборной мечети Равиль Гайнуддин и заместитель председателя Комитета по свободе совести и вероисповеданию Верховного совета РФ Мурад Заргишиев - 19 млн.⁽²⁾, председатель Центрального духовного управления (бывшее Духовное управление мусульман Европейской России и Сибири) Талгат Таджуддин - 14-15 млн.⁽³⁾ По данным же опроса, проведенного в 1993 г. Всероссийским центром общественного мнения, мусульманами считают себя лишь 2% населения России, что составляет немногим более 3 млн. человек.⁽⁴⁾

Количество приверженцев ислама в России можно определить, сложив численность мусульманских этносов. Но тогда следует а priori исходить из того, что мусульманином является каждый, кто носит "мусульманскую" фамилию, т.е. принадлежит к народу, традиционно исповедующему ислам (такого мнения, заметим, придерживается мусульманское духовенство). Сложив коренное население входящих в РФ мусульманских республик, мы получим (на 1989 г.) цифру в 6,5 млн. человек.⁽⁵⁾ К этому можно добавить рассеянную по Центральной России и Сибири "мусульманскую диаспору".

Нельзя игнорировать и то мнение, что жена мусульманина и его дети автоматически считаются мусульманами. Есть еще и "скрытые мусульмане", которые, как считают исламские духовные деятели, по тем или иным причинам еще не осознали своей принадлежности к исламу...

Как бы то ни было, счет российских граждан, исповедующих ислам, идет на миллионы. И в этом - первая причина, по которой свою позицию по отношению к исламу должны определить все политические силы России. Второй причиной является то, что в мир ислама "вернулась" значительная часть так называемого ближнего зарубежья (Центральная Азия и Закавказье). В-третьих, Россия унаследовала от Советского Союза достаточно прочные отношения с мусульманскими государствами, что в процессе становления ее внешнеполитического курса становится весьма существенным фактором.

На уровне сугубо прагматической политики мусульманский мир воспринимается в России (впрочем, как и на Западе) как в общем разношерстная конгломерация государств и этносов, не имеющих постоянных общих интересов. Вместе с тем у тех же прагматиков - чаще стихийно, чем

осознанно - имеется своего рода "комплекс ощущения" от ислама как от гомогенного социокультурного, а в отдельных случаях политического конгломерата, который, несмотря на свою внутреннюю противоречивость, имеет немало схожих культурных и духовных ориентаций, норм социального и индивидуального поведения, и это неизбежно влияет на принятие ими конкретных решений.

"Трезвые" политики и обслуживающий их научный корпус по большей части с иронией относятся к, в общем-то, не новой, но вошедшей в моду идее американского политолога С. Хантингтона о столкновении (clash) цивилизаций. Для большинства центр тяжести глобальных противоречий по-прежнему лежит в экономической и социально-политической сферах. Однако, формулируя свою стратегию, политики неизбежно сталкиваются с необходимостью определить свое отношение к тому же Татарстану, Чечне, Боснии и т.д. в контексте дихотомии "мусульманский мир - христианский мир", даже если публично об этом и не говорится. Косвенным доказательством признания воздействия конфессионального фактора на политическое противостояние являются непрестанные призывы не допустить превращения этнополитических конфликтов в религиозные.

А ведь, по существу, под подобной мягкой формулировкой подразумевается исключительно обострение отношений между христианским и мусульманским мирами. И думается, после распада коммунистической системы, стремительной дезинтеграции биполярной системы отношения между еврохристианским и мусульманским мирами как между двумя социокультурными системами приобретает особую актуальность.

В русском национализме - как политическом действии, так и идейной доктрине - отношение к исламу определяется следующими факторами:

- во-первых, его отторжением как иной этноконфессиональной системы;
- во-вторых, страхом перед интеграционным потенциалом ислама, способным не только стать фактором сплочения пограничных с Россией мусульманских государств, но и способствовать политической активизации мусульман внутри самой Российской Федерации;
- в-третьих, желанием лишний раз подчеркнуть поликонфессиональную основу России, сохранить в составе РФ "спокойных, законопослушных мусульман", что само по себе должно послужить подтверждением легитимности России как евразийской империи, а также органичности концепции евразийства;
- наконец, в-четвертых, взглядом на ислам как на объективного союзника в борьбе против экспансии Запада, которого националисты страшатся больше, чем Востока.

Эти четыре тенденции могут пересекаться в рамках идеологии и практики одной и той же политической организации или даже в позиции одного политика. Среди крайних националистов может доминировать полное отторжение ислама, в то время как евразийцам свойственно восприятие ислама как естественной части российской субцивилизации. Но в целом, повторяем, речь в статье идет не об анализе отношения к исламу того или иного лидера, но именно об основных тенденциях.

Весьма показательна по вопросам, связанным с исламом и мусульманством, позиция А.И. Солженицына, В.В. Жириновского, акад. Н. Моисеева и др., однозначно выводящих ислам за рамки базиса российской цивилизации, согласных "терпеть" ислам и стремящихся к "разводу" с ним. Пожалуй, впервые наиболее однозначно позиция отторжения мусульманства как конфессионально-культурной общности была высказана А.И. Солженицыным в его ставшей знаменитой работе "Как нам обустроить Россию", где он настаивал на отделении от нее всех неславянских республик.

При этом Солженицын, кстати быстро приобретший среди мусульман "славу" исламофоба, врага мусульман, никогда не писал и не говорил об исламе с неприязнью. Попутно замечу, что

отторжение мусульманства изначально демонстрировала чуждая писателю постсоветская правящая номенклатура, попытавшаяся сразу "сбросить" с новой России Среднюю Азию. По существу позиция Солженицына сводится к тому, что Россия должна сосуществовать с исламом как бы параллельно, с учетом взаимных интересов, но не сливаясь в единое государство. Солженицын выступает за "самодостаточность" русского или - шире - славянского этноса.

Приблизительно схоже рассуждает и известный русский литератор В. Кожин, который, считая себя евразийцем, полагает, что русские сами по себе, т.е. вне зависимости от тюрков, являются евразийским этносом. "Евразийцы - это славяне" (6), -, пишет он. На "самости" России настаивает Н. Моисеев, который утверждает, что "если мы не Европа, то тем более - не Азия. Нам она органически чужда" (7)

Последовательно свое отношение к исламу и мусульманам высказывает В.В. Жириновский. При кажущейся алогичности его высказываний он доводит до конца логику отторжения ислама и в то же время допускает возможность использования его во имя интересов России в той форме, в какой он сам это представляет.

С одной стороны, Жириновский открыто говорит о "мусульманской опасности", о том, что "ислам приводит к религиозным войнам", о "звоне колоколов Русской православной церкви на берегу Индийского океана и Средиземного моря" (8). С другой же - рассуждает о естественности исламского фундаментализма, говоря, что он "лучше", чем турецкий вариант ислама. (И было бы неверно списывать нелюбовь Жириновского к туркам на его собственный неудачный опыт первого посещения этой страны.) Для Жириновского нет разницы между религиозным фундаментализмом и радикальным национализмом, принимаемыми им за единый духовный и политический феномен (9). Но он же готов признать фундаментализм, да и сам ислам, естественным для иного, неправославного мира, с которым можно общаться, который можно подчинять, наконец, своим собственным целям. При этом, однако, воссоединяться с ним не следует.

Сближает Жириновского с Солженицыным и признание за исламом самобытности, с которой он считается (а возможно, и уважает). Очевидно, одна из главных причин такого уважения - опять-таки распространенное среди мусульман стремление обособиться от западных, или так называемых общечеловеческих, ценностей. Здесь у русских националистов и сторонников возрождения ислама наблюдается, так сказать, родство душ. Более того, Жириновский против модернизации мусульманского мира, что было бы чревато для России непредсказуемыми последствиями. "Пусть от Кабула до Ташкента будут мусульманские режимы..."? "В Ташкенте надо строить больше мечетей, а авиазавод эвакуировать в Россию" (10)

Ни Солженицын, ни Жириновский не испытывают особого страха перед исламской экспансией, которая если и представляет опасность, то лишь как составная часть некой западной стратегии, цель которой - столкнуть Россию и мусульманский мир. Им и их сторонникам свойственна уверенность в конечном превосходстве России над мусульманством, которое не поколебала и война в Чечне.

Обращает внимание и тот факт, что "не боятся" ислама и крайние радикалы-националисты. Так, в программе возглавляемого А.П. Баркашовым движения Русского национального единства среди врагов русского народа ислам вообще не упомянут (11). Нет антиисламских мотивов и в программных установках Фронта национал-революционного действия (12).

Однако такого рода индифферентность, "забвение" ислама лишь одна из тенденций, которые развиваются в лоне русского национализма. Ее антиподом является то, что я бы определил как противодействие исламу как сопернику и даже противнику России во внешней политике и как к одному из факторов, в силу которого она может частично утратить свою этноконфессиональную и культурную самобытность. Сошлемся хотя бы на высказанное в феврале 1995 г. по московскому телеканалу в связи с высоким уровнем рождаемости в мусульманских семьях суждение о том, что к 2000 г. "существует опасность превращения России в исламское государство".

Судя по данным социологического опроса, проведенного Институтом системных исследований и социологии, в самой Москве к исламу негативно относятся 17% жителей (к иудаизму - примерно 13,7, буддизму - 15,5, католичеству - 10, сектантству - 28%). Приблизительно 45% москвичей относятся к исламу индифферентно.⁽¹³⁾ В масштабах России аналогичные исследования пока не проводились.

Известно, какое раздражение вызвали в 1994 г. попытки строительства в Москве, в районе Тропарева, исламского центра. Закладка камня едва не обернулась столкновением с местным населением. И хотя формально жители района негодовали по поводу того, что под исламский центр отдается часть зоны отдыха, их протест приобретал конфессиональный оттенок. В этом же ряду находятся проблемы, связанные с открытием мечетей и созданием мусульманских кладбищ в ряде городов Поволжья, например в Ульяновске, где, по словам местных мусульман, власти также противились этому, ссылаясь на мнение горожан. Автору довелось беседовать с представителями православного духовенства, которые также выражали озабоченность по поводу строительства в России новых мечетей, опасаясь того, что один из них в беседе с автором назвал "излишней ретивостью" ислама.

Резко отрицательно отреагировала на стремление мусульман видеть в Москве свой крупный центр и правонационалистическая газета "Русский порядок", которая попутно осудила президента Татарстана Минтимера Шаймиева за его слова, что "в своей политике Россия всегда должна учитывать мусульманский фактор". Автор статьи С. Владимиров заметил, что "Россия - светское государство", в ней "есть республика татар, есть республика башкир - а вот мусульманских республик нет"⁽¹⁴⁾.

Негативное влияние на отношение к исламу в российском обществе оказали события в Чечне. Совершенно очевидно, что и неоднократные заявления Дудаева о священной войне мусульман - джихаде, и многочисленные телепоказы чеченских бойцов с зелеными повязками вокруг головы, и участие в боевых действиях мусульманских муджахедов - все это объективно способствовало укреплению вокруг ислама имиджа "агрессивной религии". Тем более что почва для такого восприятия ислама была подготовлена многочисленными и, в общем, односторонними публикациями об исламе, исламском фундаментализме и т.п.

Справедливости ради следует сказать, что большинство средств массовой информации, включая официозную "Российскую газету", не пытались развернуть антиисламскую кампанию. Активно и нередко сообща действовало православное и мусульманское духовенство, предпринимавшее в декабре 1994 г. - январе 1995 г. усилия по предотвращению использования в войне религиозных лозунгов. И все-таки, повторим, война в Чечне способствовала росту негативного отношения к исламу, в частности, среди националистически настроенных россиян.

Позиция русского национализма в отношении ислама в значительной степени обусловлена тем, что сам он привязан к православной религии. (Что касается националистов, тяготеющих к языческой форме вероисповедания⁽¹⁵⁾, то их отношение к исламу как к еще одной авраамической религии еще более непримиримое.)

"Понятия "русский" и "православный" слились воедино", - утверждал митрополит Санктпетербургский и Ладожский Иоанн, наиболее авторитетное духовное лицо среди русских националистов и неформальный лидер нонконформистского духовенства⁽¹⁶⁾. Он полагал, что в России национальное самосознание имеет "религиозную основу"⁽¹⁷⁾. В характерной публицистической манере - "Живо православие - жива Россия!"⁽¹⁸⁾ - повторяет эту мысль священник о. Дмитрий Дудко, считая, что "Россия должна возродиться как христианская страна, в ней будет даже православный царь..."⁽¹⁹⁾.

Почти тождественность восприятия православия и принадлежности к нации сопряжена с другой идеей - признания за церковью особой роли в деле государственного строительства. Тот же Иоанн на страницах "Советской России" писал, что "полное разобщение Государства и Церкви

противоестественно"(20). "Режим наибольшего благоприятствования" призывает предоставить православной церкви председатель Союза православных братств Санкт-Петербурга Константин Душенов, одновременно подчеркивая, что это "неравнозначно призывам к теократической государственности, характерной для исламского фундаментализма"(21). А историк А. Степанов утверждает, что "православная церковь должна быть для начала признана русским государством первенствующей церковью"(22). Участник "Русского собора" протоиерей Александр Шаргунов призывает трудиться во имя "восстановления православной государственности"(23). Пункт о приоритете православия записан в программе крайне радикального Фронта национал-революционного действия(24). Схожие соображения можно приводить бесконечно долго.

К тому же за последние пять лет в сознании радикальной части русских националистов сложился образ "воинствующего православия" (словосочетание, употреблявшееся многими "патриотами", в том числе митрополитом Иоанном), призванного не только "оздоровить душу русского народа", но и стать базовой идеологией воссоздания русского государства. Подобная логика неизбежно выливается в третирование других религий, в том числе ислама, видение в нем второстепенной конфессии, что на практике может привести к фактическому ограничению прав его последователей. Тем более что в рассуждениях об особой миссии православия почти обязательно возникают мотивы его оппозиции исламу. Так, Иоанн, развивая тезис о том, что Москва является "Третьим Римом", с грустью констатировал, что "Второй Рим" "был отдан на поприще иноверцам, последователям Магомета", он же писал о "жестокости и коварстве" татар, использовавших труд русских рабов, освобожденных лишь Иваном IV...(25)

Здесь я не собираюсь ни подтверждать, ни оспаривать утверждения владыки Иоанна. Важно другое - контекст, "поприще", в котором он вспоминает о крахе "Второго Рима", из чего, собственно, имплицитно следует его, митрополита, отношение к мусульманству. С противостоянием исламу связывается иногда даже борьба против ордынского ига, хотя, как известно, ордынские ханы, как правило, относились к православию лояльно и временами оказывали его служителям некоторое покровительство.

В начале статьи я писал, что проблема отношения русского национализма к исламу, очевидно, не является сегодня одной из центральных. И тем не менее в условиях, когда целостность Федерации все еще не может быть стопроцентно обеспечена экономическими реформами и сугубо административным (вплоть до применения военной силы) авторитетом центральной власти, именно регионы с преобладанием мусульманского населения в первой половине 90-х годов оказались более других склонны к поискам форм национального суверенитета. В этой ситуации обращение к православию как к одной из интеграционных сил (что характерно не только для националистов, но и для некоторых представителей правящей элиты) вызывает у мусульман внутренний протест.

Рассуждения об особой роли православия как религии большинства населения РФ в сочетании с попыткой представить православную церковь как одну из главнейших основ государства не могут не беспокоить российских мусульман, которые ощущают свою уязвимость как конфессионального меньшинства. Как правило, они стараются публично не высказывать свою тревогу на этот счет. Во всяком случае, в широко тиражируемых выступлениях представителей мусульманского духовенства, а также в средствах массовой информации эта проблема мусульманами затрагивается весьма редко.

Зато куда более откровенно мусульманские духовные лица и политики высказываются в частных беседах. Тема эта неизбежно возникает и на различных мусульманских съездах и конференциях.

Но нельзя не заметить, что многие идеологи русского национализма, настаивая на исключительной миссии православия в России, вместе с тем в той или иной мере декларируют равенство всех конфессий. Принцип равноправия "традиционных вероисповеданий России" (к которым, кроме православия и ислама, относится также буддизм) присутствует в программах большинства националистических группировок. Он разделяется и православным духовенством, включая

покойного митрополита Иоанна.

В подобной позиции можно усмотреть определенную противоречивость. И она обусловлена, с одной стороны, естественным желанием поднять православие до уровня государственной религии, а с другой - желанием показать свою приверженность общепризнанным нормам демократизма и, естественно, не восстановить против себя конфессиональные, прежде всего мусульманское, меньшинства.

Признание равенства конфессий особенно характерно для "евразийцев" - специфической разновидности русских националистов.

Здесь уместно будет сделать следующую оговорку. Вряд ли носителей постсоветской тенденции евразийства можно рассматривать как полноценных продолжателей тех идей, которые зародились в начале века и получили развитие между двумя мировыми войнами. Создается впечатление, что нынешние евразийцы руководствуются, скорее, своими личными политическими амбициями или пытаются реализовать себя в литературно-публицистическом творчестве. Порой кажется, что "евразийцы" сами не до конца уверены в правоте своих отвлеченно-теоретических построений. Но, так или иначе, они занимают определенную нишу в общественно-политической и культурной жизни России и время от времени действительно оказываются узким культурным и психологическим перешейком, связующим составляющие Федерацию этноконфессиональные общности.

Большинство эпигонов евразийства видят в мирном сосуществовании в рамках России двух конфессиональных общин ("на территории России стыкуются две цивилизации")(26) важный залог реальности их собственной идеи - существования "российской цивилизации". Один из идеологов русского национализма (в его прокоммунистической форме), весьма своеобразный истолкователь евразийства Александр Проханов, утверждает необходимость православно-исламского, а также славяно-тюркского союзов(27). Правда, в устах Проханова это можно рассматривать как поддержку и своеобразную интерпретацию чисто политического лозунга - возрождения СССР, к которому явно или скрыто апеллируют и часть искренних националистов, и практически все использующие националистическую фразеологию коммунистические партии и группировки.

В контексте политизированного квазиевразийства "великая Россия" оказывается тождественной Советскому Союзу. Говоря словами одного из постоянных авторов "Завтра", С. Плотникова, "Российская Федерация - это не Россия. Советский Союз - это великая Россия".(28) Идея сосуществования в пределах одного государства двух великих конфессий - православия и ислама - становится одной из ключевых в комплексе евразийства и связанных с ним уже сугубо политических амбиций. Не стану сомневаться в искренности людей, ее высказывающих, как не буду играть на том, что их "исламофилия" не стыкуется с их опасениями по поводу "экспансии ислама" или с порой едва скрываемой исламофобией. Повторяю, речь идет о тенденциях, и потому вполне возможно, что на страницах одного и того же издания, в пределах идеологии и практики одной и той же партии или в позиции даже одного отдельно взятого политика обе эти тенденции присутствуют как бы в некой диалектической связи.

Одним из тезисов, долженствующих, по замыслу его авторов, не просто подтвердить, но даже сблизить ислам и русское православие (и не только в рамках России), является утверждение о наличии у носителей обеих конфессий общего врага. В качестве такового предлагается Запад, персонифицируемый в сионизме, католицизме или империализме, который, стремясь к уничтожению или подчинению себе исламского или российского мира, рассчитывает достичь своей цели, столкнув последние между собой. Неоднократно цитировавшийся выше Иоанн прямо говорил, что "обоюдное уничтожение православных и мусульман - лучший способ для уничтожения России изнутри"(29). Более пространно высказывается на этот счет А. Проханов, полагающий, что стратеги США, "уже не стесняясь, открыто сформулировали свои планы втягивания России в перманентный конфликт с исламом, конфликт, в котором... должны взаимоуничтожиться потенциалы России и исламского мира, разгрузив тем самым американскую и израильскую стратегию от борьбы с

мусульманами" (30). "Мировые сионистские круги медленно, но верно подталкивают Москву к силовой конфронтации с мусульманским миром. Такая конфронтация (по сценарию Ельцина-Грачева-Козырева) неминуемо приведет к развалу России" (31). В аналогичном ключе высказывался и В.В. Жириновский, считающий, что война в Афганистане была "зажжена" специально, чтобы "разжечь войну в нашей Средней Азии" (32).

Довольно неожиданное суждение на сей счет устами своего автора А. Войстроченко высказывает "Завтра": "Кремль заталкивает Таджикистан в новую, продолжающую афганскую войну-усобицу, арбитрами в которой станут в паре Анкара, складывающая из бывших среднеазиатских республик СССР "великий Туран", и ООН, мягко координирующая эти условия с американской стратегией" (33). Можно привести десятки суждений и просто впечатляющих цитат в поддержку распространенного ныне тезиса о том, что на границах России формируется некий потенциально агрессивный мусульманский блок, который сам по себе изначально ориентирован против России или же подталкивается к этому извне.

Идея о том, что на Западе, и прежде всего в США, определенные круги рассчитывают на то, что обострение отношений между мусульманским миром и Россией будет способствовать укреплению геополитических позиций США и ослабит их потенциальных соперников, небезосновательна. Тем более что и в военно-политическом аспекте, а также с точки зрения присутствия России на рынке торговли оружием ее отношения с мусульманским миром имеют большое значение. На рубеже 1994-1995 гг. американцев и некоторых их европейских партнеров стала беспокоить и продажа Россией атомных реакторов в Иран. И разумеется, нет ничего необычного в том, что эту весьма сложную и щекотливую проблему российско-мусульманских отношений эксплуатирует именно националистическая и национал-коммунистическая оппозиция, стремящаяся скомпрометировать официальную политику Кремля и поднять собственный авторитет.

Однако специфика складывающейся сейчас к югу от России ситуации состоит все-таки не в том, что там якобы образуется заведомо агрессивная антироссийская группировка мусульманских стран. Речь идет прежде всего о предпосылках возникновения в регионе примерного аналога того, что в свое время было определено одним из ведущих американских государственных деятелей, аналитиком Збигневом Бжезинским как "дуга (полумесяц) нестабильности". Есть достаточно оснований полагать, что в первой половине 90-х годов мы наблюдаем воссоздание этой "дуги", в которую ныне включены Югославия, Закавказье, Северный Кавказ, юг Центральноазиатского региона. Именно там на гребне этнополитических конфликтов все чаще возникает мысль о межконфессиональном противоборстве.

Это неизбежно накладывает отпечаток на ситуацию в мусульманских регионах самой России, ибо, сколько бы мы ни говорили о политической дробности мусульманского мира, у мусульман более, чем у какой-либо другой конфессии, присутствует тенденция к конфессиональной солидарности. (34)

Но как бы ни относились националистически ориентированные публицисты и политики к исламу, большинство из них испытывают к нему своеобразный пиетет (не путать с любовью). Объясняется это в немалой степени решимостью, хотя бы и "театральной", с которой некоторые радикальные мусульманские режимы критикуют и даже действуют наперекор Западу. В этом случае их российских почитателей интересует не столько разумность или польза для собственных народов от разного рода антизападных акций или просто заявлений, сколько сам факт подобного бесстрашия. Наибольшим уважением пользуются Иран, Ливия, Ирак и палестинские радикалы фундаменталистского толка. Лидеры этих стран (за исключением Ирака) и организаций могут быть с теми или иными поправками причислены к фундаменталистскому направлению в исламе. Впрочем, начиная со второй половины 1994 г. элементы исламского радикализма использует в своей политике и президент Ирака Саддам Хусейн.

Среди националистических изданий более других мусульманским странам, исламу уделяет

внимание издаваемая палестинским радикалом д-ром Шаабаном газета "Эль-Кодс". Материалы с высокой оценкой радикального ислама появляются и в газетах "Советская Россия", "Завтра" (до того в ее предшественнике - "Дне"). Бросается в глаза высокая оценка деятельности имама Хомейни, которому удалось соединить исламскую традицию с идеалами социальной справедливости. "Имам Хомейни, - писал Ю. Иванов, - дал такую трактовку исламу, которая отвечала социальным и нравственным чаяниям народных масс, защищала их жизненные интересы, ограждала независимость от алчных неокolonизаторов".(35) Стоит отметить и то, что автор цитируемой выше публикации счел возможным сравнить аятоллу с митрополитом Иоанном, который все чаще характеризуется как вдохновитель православно-фундаменталистской и лидер националистической оппозиции. Подобное мнение высказывает, например, и патриарх бывшего русского национального диссидентства В.Н.(36)

Хомейни же в представлении русской националистической оппозиции является полумистической фигурой, мессией, в православном аналоге которой нуждается, по мнению многих, и сама Россия. Не случайно в качестве русского варианта аятоллы какое-то время фигурировал даже писатель А. Солженицын, чье возвращение в Россию газета "Завтра" с ностальгическим оттенком назвала "высадкой аятоллы Хомейни во Владивостоке".(37)

Одним словом, можно с некоторой осторожностью, но согласиться с тем, что в лоне русского национализма наряду с индифферентно-негативной сложилась тенденция благосклонно-конъюнктурного отношения к исламу как к потенциальному союзнику в сопротивлении Западу, к тому же продемонстрировавшему в отдельных случаях опыт воспрепятствования проведению в мусульманском обществе радикальных перемен.

Интересно также, что у русских националистов можно встретить, пусть и нечасто, позитивные определения такого пугающего всех и вся феномена, как исламский фундаментализм, который бывший главный редактор "Военно-исторического журнала" генерал Филатов определил (наравне с русским патриотизмом) как "территорию, на которую не ступала нога сионизма". В том же материале Филатов посетовал на отсутствие у русских "нашего православного фундаментализма".(38)

Напомню и то обстоятельство, что в период начала в России реформ, особенно в 1991-1992 гг., большинство мусульманских стран СНГ представляли собой "оазисы стабильности", сравнительного социального благополучия, что также неоднократно отмечалось российской оппозиционной печатью, подчеркивавшей, что это (оказавшееся скоротечным - А.М.) благополучие в немалой степени обусловлено приверженностью местных правящих элит традиционным социокультурным и духовным ценностям.

Проявление симпатии к исламу, вызвано ли оно искренностью чувств или политическим расчетом, предопределило известное сближение между определенными националистическими кругами, в частности теми, которые группируются вокруг газет "День"/"Завтра", и представителями политического ислама в России, активность которых была особенно заметна в 1991-1993 гг. Именно в этот период на страницах "Дня" существовала постоянная рубрика "Славяно-исламская академия", сравнительно часто выступали исламские радикалы, в том числе открыто именовавший себя фундаменталистом один из лидеров основанной в 1990 г. Партии исламского возрождения, глава центра "Таухид" Гейдар Джемаль, публиковались тексты Хомейни.

Взаимопониманию служило и служит также и то, что часть мусульманских деятелей до известных пределов разделяют идеи евразийства, одновременно доказывая общность интересов России и мусульманского мира в противостоянии с Западом. Подобную позицию занимает и Г. Джемаль, по мнению которого "интересы России лежат именно в союзе с фундаменталистами (sic! - А.М.), которые мыслят в категориях и терминах халифата", а "...мощный антизападный ислам... находится в едином силовом блоке с российским государством против атлантического Запада...".(39)

Вернемся, однако, к началу нашей статьи, где говорилось о том, что отношение русских

националистов к исламу не является сегодня "сверхактуальной проблемой". Но все-таки обратите внимание на следующие четыре момента нынешней и, скорее всего, завтрашней политической ситуации в России.

Первый. Националистические настроения в стране явно усиливаются. Причем их развитие обусловлено не столько усилением отдельных праворадикальных группировок, хотя это тоже имеет место, сколько в первую очередь стремлением большинства политических партий и групп представить себя в качестве наиболее адекватного выразителя национально-государственных интересов. И эта тенденция явно будет нарастать.

Можно допустить и известную радикализацию националистической идеологии, а также общий рост популярности национал-радикалов.

Надо ли говорить, что при таком раскладе возрастут амбиции православной церкви, особенно той части ее пастырей, которые уже успели почувствовать вкус политического честолюбия и внутренне готовы принять участие в решении чисто светских дел.

Второй. В этих условиях мусульманское меньшинство России явно начинает испытывать известный дискомфорт. Тем более что и среди российских мусульман национальные и религиозные чувства представляют собой общий культурно-психологический комплекс.

Третий. Проблема сохранения целостности России также будет в немалой степени решаться в контексте отношений центральной власти и (воспользуюсь уже охаянным термином М. Шаймиева) "мусульманских республик". И это неизбежно может придать ей конфессиональную окраску.

Четвертый. России придется и впредь непосредственно сталкиваться с конфликтными ситуациями ее мусульманских соседей и даже принимать участие в их решении.

Все это волей-неволей постепенно выводит российско-мусульманские отношения с политической периферии в центр внимания московского руководства. (Нет секрета в том, что на майских 1995 г. переговорах Ельцина и Клинтона двумя наиболее острыми вопросами были именно "мусульманские вопросы" - война в Чечне и продажа Ирану российских атомных реакторов.) Рост националистических устремлений в русском обществе происходит параллельно с актуализацией для России "исламского фактора" в пределах России и вокруг нее. И похоже, этим параллелям суждено пересечься.

1. В свое время мне уже доводилось писать на эту тему. См., например: Малащенко А. Новая Россия и мир ислама // Свободная мысль. 1992. №_10.

2. См.: Сегодня. 1993. 18 мая.

3. Архив автора.

4. См.: Московский комсомолец. 1993. 17 апреля.

5. См.: Федерация. 1992. №. 29.

6. Вече. 1993. №. 50. С. 31.

7. См.: Россия и мусульманский мир. 1994. №. 6. С. 8.

8. См.: Жириновский В. Последний бросок на Юг. М., 1993. С. 74-75.

9. См.: Известия. 1993. 23 августа.

10. См.: Жириновский В. Указ. соч.

11. См.: Баркашов А. Азбука русского патриота. М., 1992. С. 30-38.

12. См.: Пруссаков В., Широков А. Слава России! Фронт национал-революционного действия. М., 1993.

13. См.: Отношение москвичей к религии и церкви. Общественное мнение, социологические исследования. М.: Пульс, 1994. С. 48.

14. См.: Русский порядок. 1994. №. 6-7.

15. См.: О позиции язычников можно судить, например, по: Печенев С. Возвращение к богу (М.,

- б.г.); Русаков Ш. Великодушной России пришло время измениться // Молодая гвардия. 1993. No. 7.
16. В начале 1995 г. статья Иоанна была впервые опубликована в официозе — "Российской газете" за 22 февраля 1995 г., что явилось еще одним свидетельством сближения позиций властей и националистической оппозиции.
17. См.: Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Будь верен до смерти. М., 1993. С. 4, 12.
18. День. 1993. 18-24 сентября.
19. См.: День. 1991. 17-23 ноября.
20. См.: Советская Россия. 1993. 13 мая.
21. См.: Советская Россия. 1994. 29 января.
22. См.: Советская Россия. 1994. 15 января.
23. См.: Русский собор. 1994. No. 11.
24. См.: Пруссаков В., Широков А. Указ. соч. С. 48.
25. См.: Иоанн. Указ. соч. С. 5, 48.
26. См.: День. 1992. 21-27 июня.
27. См.: Завтра. 1994. Декабрь. No. 49.
28. См.: Завтра. 1994. No. 50.
29. См.: Советская Россия. 1993. 19 апреля.
30. См.: Завтра. 1994. Декабрь. No. 48.
31. Завтра. 1994. Декабрь. No. 49. Статья подписана С.Э.Ш.
32. См. там же.
33. Завтра. 1994. No. 45.
34. Заранее предвижу возражения моих оппонентов, могущих напомнить о межтаджикском конфликте, о войне между Ираном и Ираком, об оккупации Ираком Кувейта. Все это так. Но речь-то идет лишь о тенденции. И фактор исламской солидарности несомненно может играть консолидирующую роль в конфликтах между разноконфессиональными государствами и этносами.
35. Советская Россия. 1994. 8 февраля.
36. Осипов См.: Информ-600 секунд. 1994. Ноябрь. No. 10.
37. См.: Завтра. 1994. Июнь. No. 21.
38. См.: День. 1993. 30 мая-6 июня.
39. См.: Круглый стол "Геополитика и ислам". 1993. Сентябрь. Стенограмма. С. 9-10.